

порт об увольнении его в отпуск в Томск – «на все вакационное время». Неясно, пребывал ли он в июле-августе именно в Томске или проследовал в какие-то другие края. Выходит, что стопроцентного алиби у Вергунова все-таки нет.

Но каким образом узнал Достоевский убийственные для него подробности? Любовь Федоровна не оставляет читателя в неведении на этот счет. Она утверждает, что незадолго до смерти Марии Дмитриевны Вергунов навещил умирающую, которая, снедаемая чахоткой, покинула Петербург и проживала во Владимире и в Москве. («Еheu. Отъезд М<аши>» – пометил Достоевский 6 сентября 1860 г.) Для этого он специально наведялся «на материк» из Сибири. «Кашляющая и харкающая кровью женщина скоро стала вызывать отвращение у своего молодого любовника», и он покинул ее. Это событие настолько потрясло отчаявшуюся любовницу, что во время одной из семейных сцен она открылась обманутому супругу, «рассказав во всех подробностях историю своей любви к молодому учителю».

Мало того, «с утонченной жестокостью» она поведала мужу, как они вместе с соперником «веселились и насмехались» над ним, «призналась, что никогда не любила его и вышла замуж только по расчету».

Запомним, что эти откровения вырвались у Марии Дмитриевны в момент ссоры, в состоянии сильнейшей экзальтации.

«Бедный отец! – восклицает попечительная дочь. – Сердце его разрывалось, когда он слушал безумную исповедь своей жены».

Осторожное предположение новокузнецких исследователей, что семидневный домашний арест учителя Вергунова в 1864 г., о причинах которого архивные документы умалчивают, был вызван какой-то его самовольной отлучкой – возможно, поездкой к умирающей Марии Дмитриевне, – эта гипотеза, хотя и эффектна, но, увы, малодостоверна. Ибо весьма затруднительно при тогдашних средствах сообщения и ничтожном учительском жаловании осуществить такой отчаянный прыжок – из глубин Западной Сибири в Центральную Россию. А вот то, что во время одной из ссор выведенная из себя больная *открыла глаза* недостойному супругу, – вероятность этого весьма велика.

Но тут возникает вопрос.

Способна ли Мария Дмитриевна, не сумевшая или не захотевшая летом 1856 г. скрыть от потенциального жениха своей новой привязанности, уже после брака долгое время вести столь хитрую и расчетливую игру? Достоевский, конечно, как он сам признавался, был *прост*, однако не до такой же степени.

«Она никогда не имела тайн от меня», – пишет он Врангелю еще в период своего жениховства. И привычно добавляет: «О, если б Вы знали, что такое эта женщина!»

И – в письме старшему брату сразу же после свадьбы: «Это доброе и нежное создание, немного быстрая, скорая, сильно впечатлительная; прошлая жизнь ее оставила на ее душе болезненные следы. Переходы в ее ощущениях быстры до невозможности; но никогда она не перестает быть доброю и благородною».

Из этого текста, даже если учесть некоторые преувеличения, извинительные, впрочем, для человека, еще пребывающего под впечатлением медового месяца, можно понять, что Мария Дмитриевна скорее непосредственна, нежели скрытна, коварна, зла «и лаяй». Ее душевная организация просто не рассчитана на интригу, подобную той, о которой повествует Любовь Федоровна.

До нас дошел только один текст, собственноручно написанный Марией Дмитриевной. Это несколько строк, обращенных к ее сестре Варваре. (Они приписаны к отправляемому в Астрахань Д.С. Константу, их отцу, почтительно-родственному письму Достоевского.) Новобрачная пишет: «Скажу тебе, Варя, откровенно – если б я не была так счастлива и за себя, и